

Подкорытов Павел Александрович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Изменение, расторжение и отказ от наследственного договора: пределы свободы распоряжения имуществом наследодателя

Аннотация. В статье исследуются изменение, расторжение и односторонний отказ от наследственного договора, а также право наследодателя распоряжаться имуществом после его заключения. Анализируются проблемы возмещения убытков, множественности наследственных договоров и выбытия имущества из предполагаемой наследственной массы. На основе законодательства, современной доктрины и судебной практики обосновывается необходимость усиления обязательственно-правовых гарантий контрагента наследодателя без установления абсолютного запрета на распоряжение имуществом.

Ключевые слова: наследственный договор, наследодатель, наследник, распоряжение имуществом, расторжение договора, односторонний отказ, убытки, наследственная масса.

Наследственный договор расширил возможности граждан по определению судьбы имущества на случай смерти. В отличие от завещания, он основан не только на воле наследодателя, но и на соглашении сторон, что обуславливает сочетание наследственно-правовых и договорных начал. Современная литература рассматривает его как самостоятельный способ распределения наследственной массы и одновременно указывает на недостаточную определенность правового положения сторон [2].

Наиболее дискуссионной является ситуация, возникающая после заключения договора. Наследодатель, с одной стороны, становится участником договорной связи,

а с другой — сохраняет значительную свободу изменения своих имущественных планов. Закон допускает изменение и расторжение договора, односторонний отказ наследодателя, заключение нескольких договоров, а также совершение любых сделок с принадлежащим ему имуществом.

Поэтому целью исследования является определение пределов свободы наследодателя после заключения наследственного договора и поиск баланса между его правом распоряжаться собственностью и интересами другой стороны договора.

В соответствии с п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор может быть изменен или расторгнут при жизни его сторон по соглашению между ними либо по решению суда в связи с существенным изменением обстоятельств [1].

Изменение по соглашению сторон наиболее полно соответствует договорной природе данного института. В отличие от завещания наследодатель не может просто составить новый документ и тем самым автоматически изменить ранее достигнутую договоренность. Д.В. Глазов обращает внимание на то, что изменение наследственного договора требует согласованного волеизъявления сторон, тогда как завещание может неоднократно изменяться самим завещателем [3, с. 9].

Судебное изменение или расторжение обусловлено существенным изменением обстоятельств. Специфика наследственного договора заключается в его длительном характере: между заключением договора и открытием наследства могут пройти годы. За это время может измениться имущественное положение сторон, состав наследства или круг лиц, имеющих право на обязательную долю. Поэтому судебное вмешательство целесообразно тогда, когда сохранение первоначальных условий приводит к очевидному нарушению установленного сторонами баланса интересов.

Особое место занимает односторонний отказ наследодателя. Согласно п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе в любое время отказаться от наследственного договора, нотариально уведомив его участников. При этом он обязан возместить другим сторонам убытки, возникшие у них в связи с исполнением договора к моменту получения уведомления [1].

Такое регулирование показывает, что законодатель не связывает наследодателя договором безусловно. Сохранение права на отказ обусловлено личным характером

распоряжения на случай смерти. Однако проблемным остается размер компенсации.

В длительных отношениях другая сторона может нести расходы на содержание наследодателя, ремонт его имущества, исполнение имущественных обязанностей либо совершать иные действия. М.Г. Холкина отмечает, что общее понятие убытков недостаточно адаптировано к подобным отношениям, а доказательство реального ущерба и упущенной выгоды может быть затруднительно [5, с. 957].

Показателен в этом отношении недавний спор, рассмотренный Липецким областным судом. В проект наследственного договора стороны попытались включить условие, по которому в случае одностороннего отказа наследодатель должен был выплатить другим участникам компенсацию в размере кадастровой стоимости помещения. Кроме того, аналогичная компенсация предусматривалась при последующем отчуждении этого имущества. Нотариус отказал в удостоверении договора, а суд признал отказ законным. Апелляционная инстанция указала, что право наследодателя на односторонний отказ регулируется непосредственно п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, а свобода дальнейшего распоряжения имуществом — п. 12 указанной статьи; условия, фактически ограничивающие эту свободу посредством заранее установленной компенсации, противоречат закону [6].

Этот пример особенно важен для рассматриваемой темы. Он показывает, что действующая судебная практика исходит из широкого понимания свободы наследодателя и не допускает договорного установления таких последствий распоряжения имуществом, которые фактически ограничивали бы предусмотренное законом правомочие собственника.

Еще более серьезная проблема связана с п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ. После заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении своего имущества, даже если в результате лицо, которое могло призываться к наследованию, фактически утратит возможность получить предусмотренный договором объект [1].

Таким образом, наследодатель может не расторгать договор, а просто продать или подарить указанную в нем квартиру, земельный участок или иное имущество. При этом специальная обязанность возместить контрагенту убытки, аналогичная

установленной для одностороннего отказа, непосредственно законом не предусмотрена.

Именно здесь проявляется основной дисбаланс российской модели. Формальный отказ от договора сопровождается компенсационным механизмом, а фактическое устранение имущественного результата договора посредством отчуждения объекта — нет.

Современная доктрина также обращает внимание на данную проблему. В исследованиях 2025 г. отмечается, что свобода распоряжения имуществом способна оставить добросовестного контрагента без ожидаемого имущества, несмотря на ранее понесенные расходы [4]. М.Г. Холкина связывает это с недостаточностью гарантий для наследников и возможностью фактического нивелирования договорной связанности [5, с. 957].

Вместе с тем полный запрет на отчуждение имущества представляется чрезмерным. Наследодатель до смерти остается собственником и должен сохранять возможность реагировать на изменение жизненных обстоятельств. Более обоснованным является не вещно-правовое ограничение, а обязательственно-правовая защита другой стороны.

Второй пример судебной практики касается действительности самого наследственного договора. Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 25 сентября 2025 г. по делу № 8Г-15875/2025 указал, что документ, названный сторонами наследственным договором, сам по себе не создает наследственных прав, если он не соответствует установленной законом форме. Истец ссылаясь на подписанный сторонами договор и на фактическое исполнение обязанностей по уходу за наследодателем, однако договор не был нотариально удостоверен и был составлен еще до введения института наследственного договора в российское право. Суды отказали в признании наследственных прав [7].

Хотя данный спор непосредственно не связан с односторонним отказом, он показывает принципиальную особенность наследственного договора: фактическое исполнение само по себе не компенсирует нарушение императивных требований закона. Следовательно, интересы стороны, понесшей расходы или осуществлявшей

уход, нуждаются в специально предусмотренных гражданско-правовых механизмах защиты.

Отдельная проблема возникает при заключении нескольких наследственных договоров. Пункт 8 ст. 1140.1 ГК РФ допускает заключение одним наследодателем нескольких договоров. Если одно имущество стало предметом нескольких договоров с разными лицами, применяется договор, заключенный ранее [1].

Само правило приоритета позволяет разрешить конкуренцию после открытия наследства, однако не защищает последующего контрагента на стадии исполнения. Он может выполнять возложенные на него обязанности, не зная, что-то же имущество уже предусмотрено более ранним наследственным договором. Холкина справедливо указывает, что сочетание множественности договоров и нотариальной тайны способно создавать почву для злоупотребления и снижать правовую определенность [5, с. 957].

Нотариальные рекомендации подтверждают правило временного приоритета: если одно имущество включено в несколько наследственных договоров с разными лицами, применяется ранее заключенный договор при условии принятия наследства соответствующим наследником.

Еще один судебный пример демонстрирует значение действительной воли наследодателя. Районный суд в 2026 г. признал наследственный договор недействительным, установив, что на момент его заключения наследодатель не мог понимать значение своих действий или руководить ими. Суд применил последствия недействительности и включил имущество, отчужденное по наследственному договору, обратно в наследственную массу [8].

Этот пример подтверждает, что свобода распоряжения наследодателя защищается законом лишь при наличии действительного и осознанного волеизъявления. Следовательно, устойчивость наследственного договора зависит не только от правил его изменения или прекращения, но и от соблюдения требований к действительности самой сделки.

На основании анализа представляется целесообразным дополнить регулирование двумя гарантиями.

Во-первых, при отчуждении индивидуально определенного имущества, указанного в наследственном договоре, после того как другая сторона уже приступила к исполнению своих обязанностей, наследодатель должен уведомить ее о совершенной сделке.

Во-вторых, в таком случае стороне следует предоставить право требовать возмещения разумных и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с исполнением наследственного договора. Такая компенсация не должна ограничивать действительность сделки наследодателя с третьим лицом и потому не нарушит принцип свободы собственности.

Аналогичный подход может быть использован и при множественности договоров. Нотариусу целесообразно предоставить обязанность информировать сторону последующего договора о существовании ранее удостоверенного наследственного договора в отношении того же индивидуально определенного имущества без раскрытия его содержания.

Изменение и прекращение наследственного договора демонстрируют двойственную природу данного института. С одной стороны, договор создает согласованную правовую связь между его участниками. С другой — наследодатель сохраняет право изменить свои имущественные планы, отказаться от договора и распорядиться имуществом.

Судебная практика подтверждает приоритет именно свободы наследодателя. В частности, суды не допускают договорных условий, которые устанавливают дополнительные ограничения или заранее определенную компенсацию за отчуждение имущества, если такие условия противоречат п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ. Одновременно практика показывает строгое отношение к форме и действительности наследственного договора.

Представляется, что совершенствование законодательства должно осуществляться не посредством запрета наследодателю распоряжаться собственностью, а посредством усиления обязательственно-правовых гарантий его контрагента.

В связи с этим предлагается:

1. установить обязанность наследодателя уведомлять сторону договора об отчуждении индивидуально определенного имущества, указанного в наследственном договоре, если эта сторона уже приступила к исполнению своих обязанностей;
2. закрепить право такой стороны на возмещение разумных документально подтвержденных расходов;
3. предусмотреть информирование нотариусом последующего контрагента о наличии ранее заключенного наследственного договора в отношении того же имущества;
4. сохранить свободу распоряжения наследодателя как принцип, исключив при этом возможность необоснованного переложения всех имущественных рисков на добросовестного участника наследственного договора.

Такая модель позволяет сохранить личный характер распоряжения на случай смерти и одновременно повысить устойчивость наследственного договора как способа распоряжения имуществом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) / [Электронный ресурс] / URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 10.06.2026).
2. Власова М.А. К вопросу о юридической природе наследственного договора // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 411–415.
3. Глазов Д.В. Преимущества и перспективы развития наследственного договора в институте наследования по завещанию в Российской Федерации // Нотариальный вестник. 2025. № 3. С. 5–17.
4. Топилина М.Н. Актуальные проблемы наследственного фонда в Российской Федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 6 (106). С. 10–13.
5. Холкина М.Г. Наследственный договор в российском праве: проблемы теории и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35. Вып. 5. С. 953–960.

6. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 18.01.2026 № 33-163/2026, 33-3659/2025 / [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jNsxVPxCsuoR/>.

7. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 по делу № 8Г-15875/2025 [88-16375/2025] / [Электронный ресурс] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=195609&cacheid=123F214568CF6938E3677133DCECF40F&mode=splus&rnd=BnWAaw#qEBJrTVh2usGu1O8>

8. Решение № 02-0390/2026 02-0390/2026(02-10239/2025)~М-8136/2025 02-10239/2025 2-0390/2026 М-8136/2025 от 2 февраля 2026 г. по делу № 02-0390/2026 Хорошевский районный суд (Город Москва) / [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EwShwiCHr4Q8/>.